

Роман
Шмараков

К О Т Ц У
С В О Е М У,
К Ж Н Е Ц А М

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
III 71

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-26947-7

© Р. Л. Шмараков, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

2 января

*М. Туллию Цицерону, консулу, отцу отечества,
Р., жрец высшего Бога, — в счастье благоразумия,
в невзгодах стойкости, во всем великодушия*

Кто красоту и телесную силу, кто мягкость одежд и высоту зданий, кто пространство владений и величие честей, мы же на всякий день восхваляем мудрость и превыше всего чтим ведущее к ней учение. Многолюден стан ее поклонников, и сколько лет ни проводи в нем, покажутся днями малыми пред величием любви. Не дивно, что многие ищут ее от юности, дабы принять невестой себе: ведь эта, по твоему слову, всех дел управительница прекраснее солнца, ибо не помрачается облаком злобы, выше созвездий, ибо причастна вещам божественным; беспредельна ее крепость, распоряжения ее сладостны. Цари ее ищут, консулы ее советом утверждаются.

Каковы же и сколь велики науки, что составляют свиту мудрости, во всем ей содействующие, без которых она не создала бы дома себе, но оставалась бы скиталицей между людьми? Они ведь юношей воспаляют, подстегивая их усердие желанием славы, они мужам открывают для под-

ражания полную примеров древность, старцам простирают широкое поле памяти; благодаря наукам одни седеют разумом, а не брадою, другие, подобно Сципионам и Катонам, природную доблесть просвещают наставлением, третьи странствуют в прошлом свободнее и охотнее, чем в настоящем. В благоденстве украшение, в несчастьях утешение, дома собеседник, снаружи соратник, во всем несравненная верность. Скажу ли, к чему приводит праздность без занятий науками? Флакк за меня говорит:

...Если
книгу себе до зари не попросишь с лампадою;
если
ум не направишь ты свой к делам и раченьям
достойным,
будешь терзаться без сна ты страстью
иль завистью.

Пожалуй, кто-нибудь назовет школьные труды бездельем и ребяческой игрою. Что же, пусть увидит человека, бежавшего от вихрей форума, от алчности Беллоны, от прочих тягот земли и моря, — пусть посмотрит, говорю я, на того, кто, сокрывшись от многообразного людского мятежа, извне умягчается, внутри же укрепляется и несметным плодом духовных работ освежается и услаждается. Что же скажем о тех, кто, излечив болезнь очей, изнуренных вещами земными, избрал лучшую долю и, смежив глаза для суеты, небесные тайны узрел в доме Божьем, то есть в душе, заступленной стражею добродетелей и населенной высокими дарами? Услышь слово некоего философа. «Досуг без занятий

науками, — говорит, — смерть и погребенье заживо». О безделье святое, о безделье честное, о безделье, всякого дела достойнейшее, если без него жизнь не лучше смерти и человек не честней мертвого тела!

Ты можешь заключить, какая любовь к ним меня накаляет, если я стремлюсь изложить все доводы в пользу наук и перечесть все их выгоды, точно сицилийские валы или колосья ливийской жатвы, рискуя вызвать в тебе и пресыщение сказанным, и недовольство пропущенным. Будь здоров.

4 января

М. Туллию, римскому консулу, Р., жрец высшего Бога, — благой и верной Фортуны

Сполна вытерпев мое многословие, ты, пожалуй, молвишь: «Чего же ты хочешь? Неужели, уцепившись за одежду какого-нибудь ремесленника или конюха, примешься требовать, чтобы, соединив мудрость с красноречием, сделались философами? Полно! Хоть и доносит нам дивная древность, что богом сделался Главк, однако разумней ждать от любого рыбака, что нам встретится, лишь рыбы хорошей, а не подобных успехов». Ничуть того не желаю — ведь, клянусь Геркулесом, куда меньше на свете мудрецов, чем приверженцев мудрости, однако столько же праведных, сколько поклонников праведности. Вот путь, всем открытый, природой и писаньями указанный: но таким трудом кажется людям — жить по мерилу честности, мирского успеха не любить, мирских тягот не страшиться, что любая суэта кажется им легче.

О попеченья людей! сколь много в делах их
пустого!

Взгляни на людские сужденья, занятья, желанья, решенья, службы, слова и заслуги, и увидишь, какой пестротой они преисполнены, какое многообразие в них само с собою сбивается, сражается и смешивается.

Иные разумны, притворяясь безумными, иные же от чрезмерного разума безрассудствуют. Иные из объятий философии бросаются к оружию; иные, покинув покой кельи или школы, ввергаются в каждодневное изнурение тела. Иные тяжбами и прекословиями тешатся; иные терзаются, если предстоит им вступить в тяжбу. Иные щедры на чужое, скупы на свое. Те горделиво смиряются, эти смиренно кичатся. Иные живут в простоте, всюду преуспевая; иные же возвращаются в лукавствах, и все им противится. Иные плачут под притворным смехом; иные под лицемерным рыданьем ликуют. Иные в покое покоя не находят. Иные, без конца собирая, мнят, что ничего не собрали. Иные тщательно исследуют и уразуметь не могут, как истощилось скудное их именьице. Иные, взыскуя честей, стяжать их бессильны. Иные, бежав от честей, влекутся к ним против желанья. Иные, потакая своим прихотям, всегда крепки; иные, не отступая от Гиппократовых правил, редко поднимаются с одра недуга. Иные все время ловят мирскую славу и все время бесславны. Иные, все книги перелистав, ничему не научаются; иные, все посулив, посулов не исполняют. Иных возвышает знатность, иных же смиряет, и подчас бывает князьям любезней глупец незнатный, чем мудрец благородный. Иные всякую заботу от себя отгоняют, иные же не только в свои, но

и в чужие дела готовы погрузнуть. Иные больше верят языку льстеца, чем своей совести. Иные не успокоятся, пока не добудут желаемого, а получив, глядят на него с презрением. Иные в пустячных делах осмотрительны, а в трудных и важных, где надобно зрелое решение, — опрометчивы. Иных тщеславье приводит к гибельным санам; иные любым саном небрегут, коли в нем не найдется наживы. Иные тяжки для друзей и домашних, врагов же почитают со всяким смирением. Иные шьют себе множество риз, хотя вскоре предстоит им сбросить последнюю, иные множество зданий начинают и не довершают. Но что ж я растекаюсь по людским делам?

Нет, хоть бы сто языков, сто уст мне даровано
было,

не исчислил бы я несогласий между живущими на этой земле, когда каждый не только с ближними, но и с самим собой безвозвратно расходится.

Но слышу, что у тебя на устах. «Сходство, — говоришь ты, — мать пресыщения: не в делах сходство, но в словах, не в проступках, но в порицаниях — ведь ты, я вижу, затеял обличать людские безумства, не исцеляя, но умножая их число». Верно, над этой язвой лекарства не властны, и чем больше ее залечивают, тем она странней свирепствует.

...Знатоки отступились,
сын Филлиры Хирон и Меламп, Амифаона
отрасль.

Отступлюсь и я от этого разговора. Будь здоров.

8 января

М. Туллию, римскому консулу, Р., жрец высшего Бога, — благоденствия

Поделюсь с тобой лучшим, что у меня есть, или, по крайней мере, самым редким — новостями. Сегодня мне было дано зрелище того, какое почтение оказывают людям ученым — или, если хочешь, как ведут себя ученые люди, окажи им кто-нибудь почтение. Приходят ко мне сказать, что госпожа нашего замка хочет меня видеть; я иду без промедления, опережая слуг, каждый встречный при виде моей важности и поспешности понимает, что я призван по нештучным делам; сам я, если бы взглянул на себя, посторонился бы с благоговением. Прохожу знакомым переходом и вот уже перед полуоткрытой дверью, уверенный, что мне позволено войти, как вдруг меня останавливают и отводят в другие покои, где я встречаю не госпожу нашу, но другую даму, чей супруг поставлен от нашего господина правителем замку и всем угождам на время его отсутствия. Она любезно меня приветствует и просит от имени госпожи написать письмо ее супругу, ибо никто лучше меня этого не сделает. Наш господин в давнем отсутствии,

сражаясь за морем. «Где же?» — спросишь ты — в иудейских пределах, под стенами Иерусалима, где ныне соревнуются в доблестях многие достойные мужи. Ты скажешь: «И в мое время там воевали»; я помню эту историю — поправь меня, если ошибусь. Два брата царят в Иерусалиме, Аристокбул и Гиркан; власть не терпит общения: они выходят друг против друга в поле; Фортуна дает победу Аристокбулу, а Гиркан ищет подмоги у царя арабов, который приходит в их пределы, чтобы окружить Иерусалим осадой. Лишился бы и города, и власти Аристокбул, но новое несчастье его выручило: из Сирии, уже сделавшейся данницею римлянам, вторгается в их края с могучим войском Скавр, полководец римский, слышав о кровном раздоре. С обеих сторон текут к нему послы, молящие о помощи в нечестивом деле, — тот же, соблазненный тремя сотнями талантов, сопровождавшими мольбы Аристокбула, велит арабу снять осаду, грозя ему Помпеем, если не подчинится. В ту пору Помпей был послан римлянами против армянского царя: в Армении действовал сам он, в окрестных странах — его имя. Уходит араб, оставив союзника, и оба брата пускаются к Помпею: один — дабы сберечь, другой — дабы отнять. Так как, однако, явившемуся Аристокбулу Помпей не оказал царских почестей, тот, раздраженный, не поприветствовав римлянина, идет прочь и водворяется в неприступном месте, сим выбором свидетельствуя, что скорее рискнет диадемой, чем послушается чужого суда; но по совету своих людей вскоре уходит оттуда к Иерусалиму, в покинутой им крепости оставив казну,

стражу и приказ, чтобы подчинялись лишь письмам, писанным его рукою и его перстнем запечатанным. Ушел Аристокбул, Помпей поднялся следом; тот, устрaшенный, спешит ему во сретенье, суля и деньги, и послушание, но тщетно. Помпеевым людям, посланным в крепость за деньгами, стража не дает войти; возмущенный Помпей лишает Аристокбула свободы; в городе, обступленном римскими и сирийскими полками, встает новая распря; одолевает Гиркан, а те, кто держит сторону Аристокбула, ночью прокладывают себе путь в храм

под черным светочем фурий.

Помпею открывают ворота, и он, городом овладевший мирно, с боем подступает к храму. Взявшись уничтожить рвы насыпями, не довершил бы он этой работы, если бы не велел воинам возводить валы на седьмой день, когда иудеям нельзя ничего делать. На третий месяц ворвался он в святилище и, как вам ведомо, ничего не вынес оттуда и ни к чему не притронулся в городе недоверчивом и злоречивом, не подав ни малейшего повода к порицанию. Ныне же мы вновь сражаемся там, посланные иным сенатом, пред городом из тесаных камней — ради города из камней живых; пред городом, где распря не устает, — ради города, чьи жители хотят одного и от одного отвращаются, пред городом, коего богатства рассыплются и умрут, — ради города, где все обогатятся, приняв от владыки один нетленный динарий. Легко ли, спросишь, нам в этом лагере? Узнай об этом у кого-нибудь другого, а не у человека, который сам с собою сла-

дить не может: ведь подобным же образом волновалась тогда и моя душа, в которой пробужденное тщеславие враждовало с опасениями дать повод к недовольству, меж тем как моя ученость, призванная смирять такие бури, была готова пойти за внушением первой же страсти, которая к ней воззовет. На мое счастье та дама, о которой я упомянул, со мной, все еще оглушенным тревогой, завела приличную беседу, вернув мне трезвость разума, устыдив меня и дав время согреть руки над жаровней, прежде чем я возьмусь за дело. Я упомянул о ее недавних дарах, украсивших нашу капеллу, и умолчал о ее неизменных и щедрых даяниях бедным, ибо это упоминание не было бы ей приятно. Не стану, однако, восхвалять ее благочестие и пред тобою, так как знаю, что среди благодеяний, не требующих труда, одно из ценнейших — не затягивать письма дольше дозволенного. Будь здоров.

8 января

М. Туллию, римскому консулу, Р., жрец высшего Бога, — благоденствия

Возможно, ты захочешь узнать, что именно я написал в том письме, которое было мне поручено. Пусть ты спрашиваешь из одного приличия, но мое тщеславие побуждает ответить так, будто ты вправду этим интересуешься. А что написал бы ты сам, привелись тебе обращаться к кому-нибудь из близких, с кем разлучили тебя горестные и необоримые обстоятельства? Выказывал бы ты скорбь или нежность? Шутил или негодовал? Рассказывал ли о своих намерениях и радовался дружескому расположению человека, дающего советы? Жаловался ли на свои несчастья или утешался тем, что прекраснейшие люди тебе в них помогают? Указывал ли, с кем можно передавать письма, и тревожился из-за долгой безвестности? Вглядывался ли в действия облеченных властью, по ним угадывая будущее? Говорил ли, что судьба хранит тебя ради надежд на благополучие, — или, может быть, что страдания увеличиваются от мысли об иных временах? Вспоминал ли расставание и печалился, что не утратил жизнь вместе с тем, что ее

украшало? Обсуждал ли вести о военных движениях парфян? Описывал ли — коли общаешься с человеком, который в этом разбирается, — выгоды положения в краю, что богат зерном, открыт для скорого ухода, с войском, во всем послушным, с верными союзниками, где можно воевать и силой, и местностью, — словом, рассмотрел ли все действия и попечения, потребные для лавроносного торжества? Не сомневаюсь, что все, тобою написанное, оказалось бы несравненным. Но наши дарования — лишь далекое подобие ваших: словно солнце, стоящее в зените, дает вещам скудную тень. Я же по мере своего разумения написал вот что — перескажу, как помню. Сперва наша госпожа приветствует своего супруга и говорит, что не письмо хотела бы получить в ответ, но его самого. Для всех свет приходит поутру с востока, но для нее он ушел на восток и больше не показывается. Всякий, кто прибывает к нам из тех краев, не покинет замка, пока его многократно не расспросят о нашем господине, и уносит с собою письмо, дабы передать ему, если встретит. Нет ей радости в том, чтобы укладывать волосы, когда его голову обременяет шлем, и облекаться в новые одежды, когда он носит тяжкую броню; неприбранностью хочет она подражать его трудам и время войны проводить в унынии. Затем она пеняет, что он сделал для нее невыносимым слушание божественных писаний, кои прежде составляли ее отраду, и те имена, что некогда были ей любезны, ныне пугают одним звуком, ибо, слыша: Иерусалим, Вифлеем, Назарет, она думает, где он сейчас и какая из святынь обагрена его кро-

вью, и вместо духовного разумения обретает в священной странице лишь плач, сетование и скорбь. В окрестных краях нет храма, куда не посылались бы ее дары и где не возносились бы ее молитвы, но пока супруг сражался с языческими богами, они сами пришли сюда и рушатся на нее толпою. Вот вступает в ее покой Юнона, царица богов, и говорит: «Сколько подвигов совершил он там один, никем не пособляемый, — так-то он был осторожен! так-то думал о тебе!» И отнюдь не умолкает со своей жестокостью, но прибавляет еще: «Сколь счастливее участь парфянских жен! Они ведь и меч подадут супругу, и поцелуют его сквозь шлем, и велят ему вернуться невредимым; а если он падет в бою — они увидят его кончину и путь к Аверну усладят для него слезами и муками благочестия». Потом пускается обвинять отсутствующего, говоря: «Верно, полюбил он там другую и все помыслы обратил к ней. Несчастливая, тебе одной Гименей, тайными узами сочетающий всю природу и умиряющий стихии священным объятием, тебе одной принес он и ложе покинутое, и холод в груди, и жалобы на дни, идущие медленно!» Пусть же эти ревнивые упреки и обвинения расточатся в воздухе! Но за ней приходит Диана, и наша госпожа среди молитв терзается мыслью, не сокрушился ли корабль с ее супругом в бурных волнах, не пал ли ее возлюбленный от свирепой руки, носится мыслью среди змей, вепрей и львов, и Божье имя праздно слетает с ее уст; пускается она выслеживать различные приметы, в ночи искать знамений, подстерегать гул смутной молвы и призракам, пред-

стающим во сне, приносить торопливые жертвы. Приходит к ней и золотая Венера — ко всем ведь она приходит — со своей улыбкою и своим жалом, и воспаляет ее душу страхами, и заставляет ее супруга погибать в каждом, кто гибнет в стане пилигримов; широкое поле открывает ее тревогам эта мучительница людей и не отходит от нее ни на минуту. Последнею же является Минерва, стыдя и оспаривая их всех, и между ними встанет великая распря, терзающая ее утробу, и нет у нее сил отражать врагов от своего крова, а потому она просит, чтобы он вернулся скорее и защитил ее. Затем она говорит, что каждый день выходит на башню, откуда видно многое, но только не тот, кто ей мил, и ждет, не налетит ли ветерок из той страны, куда ушел ее супруг; тонкий это ветерок, огня не качнет и снега с ветвей не уронит, но ей он любезнее всякого другого. Тот, кого она ждет, оставил ей свою рубашку, чтобы напоминать о себе: она кладет эту рубашку в постель с собою, ей достаются ласки и жалобы, ей объятия и клятвы. В дальней стране он сражается по призыву своего господина, который наделил его многими и щедрыми дарами, — навеки опозорится тот, кто неблагодарно бросит его в час войны; и все же она просит и увещевает мужа не выказывать удаль свыше меры, ибо владеющий своим духом лучше покорителя городов. Так, или примерно так, и было все написано: полагаю, что применительно к нравам и обычаям этой молодой дамы, прекрасной, любящей веселье, нежной, приветливой, благочестивой, это сочинено и изложено наилучшим образом. Будь здоров.

9 января

М. Туллию, римскому консулу, Р., жрец высшего Бога, — благоденствия

Госпоже нашей снится дурной сон, касающийся, как ей кажется, ее супруга; она в тревоге, перебирает сама с собою, у кого просить совета, и останавливает выбор на мне. По ее приказанию зовут меня; в это время узнает обо всем дама, чей супруг управляет замком, и спешит отговорить нашу госпожу от ее намерения, считая, что не подобает ей доверять свои тайны таким образом и по такому поводу; а чтобы скрыть это дело, дают мне, уже явившемуся и стучащему в двери, поручение — сочинить письмо, содержание которого я излагал тебе вчера. Эту историю я почерпнул нынче из двух источников, по-разному нечистых. Одна из служанок нашей госпожи рассказала мне все это, с прибаутками и с подробностями, которых я хотел бы не знать. Эта женщина, которой престарелые лета не придали степенности, но лишь усилили природную болтливость, умела сделаться необходимою нашей госпоже, ибо тешит и развлекает ее печали, пересказывая, что совершается в замке и что приносят в него извне, пересыпая

важные вещи всяким вздором, каким обмениваются у колодца, и представляя госпоже, словно со смеженными очами сидящей в уединении, все то, чего она не видит. И когда бы этим кончалось дело! Но, торгуя своим усердием, эта прислужница, словно Еврип, поворачивает свою болтовню вспять, разглашая на площадях то, что сказано шепотом в спальне, и, украв молчаливые заботы владык, сеет их на устах у народа. Не зря, оказывается, я про себя дивился, отчего такая срочность с этим письмом: мне ведь известно, что нет случая его отправить, да и господин наш неизвестно где — уже полтора года, что у нас нет достоверных о нем вестей, а в ноябрьские календы появился человек, утверждавший, что был при нем, но мы дознались, что он лжец и рассказам его нельзя верить. В таком-то лесу слухов и толков мы живем, ничего не зная, но обо всем догадываясь. От одной служанки отделившись, попал я на другую, ту, что ходит за супругою нашего управителя, заботясь, чтобы подавали ее госпоже блюда послаще, и от всего отведывая прежде нее; эта женщина снова наказала меня той же повестью, дерзко отдернув священную завесу и всей душою стремясь на грех, что стоит в дверях. От них обеих слышал я изложение того сна, и слышал по-разному: ибо в уверенности, что это видение много значит, каждая постаралась убрать его в цвета своего недомыслия и суеверия. Что мне делать? Смеяться ли над теми — или лучше оплакивать глубокую ночь их безумия, — кто речной рыбе воздавал божеские почести, собакам поклонялся, грехом считал откусить от луковицы и вели-

Шмараков Р.

Ш 71 К отцу своему, к жнецам : роман / Роман Шмараков. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 384 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-26947-7

Франция, конец XII века. Замковый священник, молодой и честолюбивый, пишет письма давно умершим латинским писателям, щеголяя риторическим искусством и рассказывая о том, что ежедневно происходит в замке и с ним самим. Между тем внезапно возвращается господин замка, давно уже принявший крест и уехавший в Палестину. Оказалось, что его путешествие пошло совсем не так, как замыслилось, что до Палестины он не добрался, а побывал в совсем других краях, где не стяжал военной славы, более того — вернувшись домой, привез с собой таинственное зло, от которого трудно отвязаться...

«К отцу своему, к жнецам», на первый взгляд классический эпистолярный роман, на самом деле, тонкая стилизация, в которой есть место и по-настоящему драматическим событиям, и безудержному смеху, и загадкам истории.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

РОМАН ЛЬВОВИЧ ШМАРАКОВ
К ОТЦУ СВОЕМУ, К ЖНЕЦАМ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валерий Камендо, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.08.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 17,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-35948-01-R